

Н. С. ЛЕСКОВ

**Николай Гаврилович Чернышевский
в его романе «Что делать?»**

(Письмо к издателю «Северной пчелы»)

Черт не так страшен, как его рисуют!

Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» кончился в майской книжке «Современника»¹. Русская критика теперь занята: она думает, что ей делать с этим «Что делать?»

Кто читал самый роман и кого занимают отзывы, которые он должен вызвать у современной добросовестной критики, тот, разумеется, не станет искать этих отзывов в «Северной пчеле»². Он станет искать их в так называемых *толстых журналах*, потому что в толстых журналах есть свои присяжные критики и в этих журналах места пропасть. Критику там можно разгуляться и тоску-скуку свою разогнать.

Но я, должно быть, не стану читать ни одной критики о романе г. Чернышевского. Этот труд для меня совершенно не нужен, потому что я чувствую, что о нем напишут в том или в другом из русских журналов. Это я чувствую не только потому, что я знаю симпатию и антипатию русских журналов, но и потому, что я даже слышал уже кое-что об этом романе, от тех самых, которые критики пишут. Это ведь вовсе не секрет, да и о романе Чернышевского толковали не шепотом, не тишком, — во всю глотку в залах, на подъездах, за столом г-жи Мильбрет³ и в подвальной пивнице Штенбокова пассажа⁴. Кричали: «гадость», «прелесть», «мерзость» и т. п. — всё на разные тоны.

Вследствие всех многообразных соображений, комбинирующихся по поводу прочитанного романа, выслушанных толков и ожидаемых рецензий, я решился как можно поскорее сказать свое мнение о романе г. Чернышевского, или, лучше сказать, о г. Чернышевском в его новом произведении.

Над торопливостью моею несколько не должно смеяться, ибо я вовсе не считаю моего отзыва о г. Чернышевском ни особенно

верным, ни особенно необходимым, а спешу его написать, не читав еще ни одной критики, для того, чтобы написать мое собственное мнение, ни от кого не занятое, и никем не навязанное насильно, по системе новейшего либерализма.

Имея в виду сказать здесь только мое *собственное* мнение, которое может очень мало согласоваться с мнениями «Северной пчелы» или даже, может быть, вовсе с ними не согласоваться, я пишу не статью, а простое письмо, за которое «Северная пчела», разумеется, не принимает никакой ответственности.

Я не утомлю читателя, ибо все, что я намерен написать о романе г. Чернышевского, очень коротко и несложно.

У меня создались два главные убеждения, от которых я не могу отрешиться и которые здесь высказываю.

Роман г. Чернышевского — явление очень смелое, очень крупное и, в известном отношении, очень полезное. Критики полной и добросовестной на него *здесь и теперь* ожидать невозможно, а в будущем он не проживет долго.

Я не могу сказать о романе г. Чернышевского, что он мне *нравится* или что он мне *не нравится*. Я его прочел со вниманием, с любопытством и, пожалуй, с удовольствием, но мне тяжело было читать его. Тяжело мне было читать этот роман не вследствие какого-нибудь предубеждения, не вследствие какого-нибудь оскорбленного чувства, а просто потому, что роман странно написан и что в нем совершенно пренебрежено то, что называется *художественностью* романа. От этого в романе очень часто попадаются места, поражающие своей неестественностью и натянутостью; странный, нигде не употребленный тон разговоров дерет неприглядное ухо, и роман *тяжело* читается. Автор должен простить это нам, простым смертным, требующим от беллетристов искусства *живописать*. Роман г. Чернышевского со стороны искусства ниже всякой критики; он просто смешон. И лучшая половина человеческого рода, женщины, к которым г. Чернышевский обращается, как к чувствам, оказывающим более сметливости, чем обыкновенный «проницательный читатель»⁵, не могут переварить женских разговоров в новом романе.

Но г. Чернышевский не беллетрист; на изготовление романа его вызвали обстоятельства, от него не зависящие: потребность деятельности и невозможность ее в другой форме⁶. Г. Черны-

шевский очень благоразумно оговорился, что он не художник и за художеством не гонится ⁷, а потому, кто станет пространно доказывать несостоятельность романа как беллетристического произведения, тот напрасно потратит труды и время. Об этом говорить не стоит.

Г. Чернышевский публицист, и публицист известной школы. Он не может напечатать статейку, например, в «Современнике» и в «Русском вестнике» ⁸. В своем романе он вышел поборником той же самой школы, и эта последовательность есть первая его замечательность. Он в своем романе (труде для него непривычном) последовательно провел заповедные идеи своей школы. Мало этого, г. Чернышевский доказал, что он не такой заоблачный летатель, не беспардонный теоретик, который, по выражению одного московского публициста, хочет сразу создать новую землю и новое небо. Напротив, автор «Что делать?» доказал, что (и это самое главное) люди, живущие под этим небом, на этой земле, таковы, каковы они есть. Он помнит, что *il faut prendre le monde comme il est, pas comme il doit être* ⁹, и говорит просто и ясно, что и в этом *monde* умные люди могут стать твердо и найти себе, что делать. Это самая важная заслуга г. Чернышевского. Вот основания, по которым я признаю роман г. Чернышевского очень полезным, и постараюсь это доказать несколько подробнее.

Была (и это очень недавно) на Руси ужасная эпоха фразерства, страшного, разъедающего и все импонирующего фразерства. Тургеневский Рудин — сын этой эпохи и ее памятник. Началась другая эпоха. Пошел запрос на Инсаровых. Инсаровых оказалось очень мало. Потому как инсаровское дело нам непривычное. Явились Базаровы ¹⁰. Тургенев переживал эти метаморфозы и, стоя с мастерской кистью в руке, срисовал их в свой прелестный альбом. Все они стоят перед нашими глазами, от слабовольного, нравственного импотента Рудина, до сильного и честного Базарова. Тип Базарова многим нравится, многим не нравится. Мне лично он нравится, но я бы позволил себе пожелать ему быть несколько мягче, не мулить собою без нужды непривычного глаза, не раздражать без дела чужой барабанной перепонки и даже, пожалуй, не замыкать сердца для чувств самых нежных, ибо они не мешают героизму.

Уроды Рудины, после предания этого типа посмеянию, шатались без дела. Неспособность к самостоятельному труду, неспособность «слепую бабку кормить» была в них очень уж ярка.

В государственной экономике людям этим приходилась роль самая печальная. Инсаровыми они не могли сделаться по трусости, по эгоизму, по гадости своих тощих жизнелюбивых натурок. «Современник» начал разрабатывать другие теории. Теории эти, не касаясь их достоинств или недостатков, идут вразрез с стремлениями «Русского вестника», а, следовательно, никак не могут сойтись с тем, с чем так искренно сошелся экс-англоманский журнал. Но неизвестно было, да еще и до сих пор неизвестно: сойдется ли «Современник» с тем, к чему он, по мнению многих, все гнет и ломит. Я много очень в этом сомневаюсь, а отставные Рудины сомневаются в этом несравненно более, чем я, чем все мы. Но им это направление подошло на руку. Тянуть за «Современник» — значит упираться, оппозицию делать; ну и потянули. Таким образом, вы и либерал, и не то, что Инсаров, и положеньице есть — безопасно. Однако все это шло еще без знамени, без клички, нестройной толпой, не знавшей, что она такое. Талантливым пером Тургенева обрисован Базаров, произнесено слово «нигилизм»¹¹, и завелись, или стали разводиться, думаете *нигилисты*? Нет, стали разводиться, или, лучше сказать, никто не стал разводиться, а рудинствующие импотенты стали импотентами базарствующими.

Обществу не понравилось новое явление, да и никакому самому снисходительному обществу это явление понравиться не могло. По присущему каждому обществу консервативному началу, общество стало с своей стороны упираться и даже стало вспоминать о Рудине. Причины этого очень просты: Рудин прежний ни к чему не мог быть употреблен, но он никому не наступал на ногу, а базарствующий Рудин хоть тоже не может быть употреблен туда, куда годился покойный Базаров, но он действует. Орудия действия у обоих Рудиных одни и те же: фразы. Как прежний Рудин работал фразой, только чтоб «заявиться», так и базарствующий Рудин в существе дела тоже все хлопочет «заявиться». Только старому Рудину для этого много нужно было говорить, а нынешнему два слова: «Не с нами, так подлец».

В порождении вот этих-то нигилистов винят обыкновенно «Современник». Я думал всегда, что это неосновательно, а теперь, после романа г. Чернышевского, я в этом даже твердо уверен.

«Современник» принял под свое покровительство нигилизм, он защищал нигилистов; а в это время Рудины заменили одни фразы другими и стали всем надоедать своей грубостью и нахальством. Чем же тут виноват «Современник»? Разве это *ниги-*

листы? Разве каждая гадина, набравшаяся наглости и потерявшая стыд, — нигилисты?

Нигилисты, которых мы видим и которые нам успели надоесть своими гадостями, достались нам по наследству, а сгруппировал их и дал им пароль и лозунг не «Современник», а Иван Сергеевич Тургенев. После его «Отцов и детей» стали надюжаться эти уродцы российской цивилизации. Начитавшись Базарова, они сошлись и сказали: «Мы сила». Что ж нам делать теперь? Так как они никогда не думали о том, *что* им *делать*, то, разумеется, сделали, что делают обезьяны, то есть стали копировать Базарова. Как же его копировать? Ну, обыкновенный прием карикатуристов в ход. Взял самую резкую черту оригинала, увеличил ее так, чтобы она в глаз била, вот и карикатурное сходство. То и сделано. Базаровских знаний, базаровской воли, характера и силы негде взять, ну копируй его в резкости ответов, и чтоб это было позаметнее — доведи это до крайности. Гадкий нигилизм весь выразился в пошлом отрицании всего, в дерзости и в невежестве. Отрицание это будто бы и есть самый нигилизм, а дерзость и невежество его последствия. Дерзость и невежество нигилиствующих Рудиных не имеют пределов и доходят до злобы. Один талантливый наш беллетрист, из школы реалистов, серьезно уверяет, что дрянцо с пыльцой, называющее себя нигилистами, — *разбойники*¹². Это печальное убеждение он вынес из среды самых яростных нигилистов. В самом деле, у людей этого разбора сострадание не в нравах. Посадите такого господина на какое хотите место, он сейчас и пойдет умудряться, как бы ему побольнее съехать *не своего*. Сделайте его приказчиком, хоть в книжном магазине, он и там приложит свой нрав. Карячиться станет, едва говорит, и то с грубостью; велите ему двух сотрудников рассчитать: нигилисту даст деньги, а не нигилиста десять дней проводит. Что ему за дело, что человек напрасно тратит рабочее время, ходя да «наведываясь»? Что ему до того, что у этого сотрудника жена без башмаков, дети чаю не пили, хозяин с квартиры гонит? *Квартира отрицается*, потому фаланстерия будет; жена *отрицается*, потому что в «естественной» жизни (у животных, например) нет жен; дети и подавно *отрицаются*, их община будет воспитывать; родители им не нужны. Познакомьтесь с таким соколиком, да если он вас не боится и если вы не сам г. Чернышевский, то он вам во второе же свидание вместо любезностей дурака завяжет. Это ничего, это все естественно. Жалеть никого не следует, потому что

Век жертв очистительных просит ¹³.

Помогать — нечего рваться, потому что «чему уцелеть, то останется». Чувства — вздор, любовь — вздор, совесть — вздор, идеи — вздор, все вздор, не вздор только мы, ибо мы есмь мы. Это еще старые типы, обернувшиеся только другой стороной. Это Ноздревы, изменившие одно ругательное слово на другое ¹⁴. Это даже Сквозники-Дмухановские. «Я, — говорит, — тебя мучить или пытаться не стану — это законом запрещено. А вот ты поешь-ко у меня селедки» ¹⁵.

Такова в большинстве грубая, ошалелая и грязная в душе толпа пустых ничтожных людишек, исказивших здоровый.

Но должны же быть другие настоящие нигилисты, из которых вышел Базаров! Каковы же они? Что они могут делать?

Н. Г. Чернышевский отвечает на это в своем романе и говорит этим же романом, что следует делать в нынешнее время и при нынешних обстоятельствах людям, связанным с автором солидарностью симпатий.

Г-н Чернышевский довольно давно уже многим стал представляться каким-то всепоглощающим чудовищем, чем-то вроде Марата ¹⁶ или чуть-чуть не петербургским поджигателем. Эту репутацию г. Чернышевскому устроила, разумеется, людская слепота и трусость, но более всего он обязан за нее нигилиствующим Рудиным ¹⁷.

Общество, сочинившее себе о г. Чернышевском черт знает какие представления, нельзя упрекнуть в большой дальновидности, но нельзя и удивляться, что оно дошло до весьма странных понятий о г. Чернышевском как об общественном деятеле. Стоит только сообразить, что статьи г. Чернышевского далеко не для всех симпатичны и должны быть особенно неприятны разрождающемуся на нашей земле эписиерству ¹⁸. — Пожары и другие странные события ¹⁹ навели страх на людей робких. «Кто это все делает? Батюшки мои! Кто?» — «А вот, вот это... видите, лохматые, грязные». — «А!» — «Право». И пошло. Стали присматриваться к «лохматым» ²⁰, а они как звери, что ни скажут, так как рублем подарят, а между тем все г. Чернышевского превозносят.

«А! — подумали «проницательные» люди. — Вот он каков, „миленький-то“! Если щеночки белогубые такие ядовитые, что же он сам-то, а? Страсть!»

Ну, так и пошло.

А в статьях г. Чернышевского опять продолжалось только отрицание да отрицание, антипатии да антипатии, а симпатий своих ни разу не сказал ²¹. Он их не сказывал, конечно, по обстоятельствам, от него не зависящим ²², а «проницательные читатели» думали, что его симпатии... головорезы, Робеспьер ²³ верхом на Пугачеве. Это же думали не одни «проницательные читатели», а и многие просвещенные писатели из разряда «узколобых». Но писатели, даже самые «узколобейшие», все-таки никогда не пугались сердечных симпатий г. Чернышевского и не пугали им ни детей, ни соседей.

Между тем г. Чернышевский из своего далека прислал нам роман, в котором открыл себя, как никогда еще не открывал ни в одной статье.

Теперь перед нами его симпатии.

Я не буду рассказывать содержание романа, потому что это не критика, да и в критических-то статьях эти выписки очень претят, а это просто письмо, которое набросано под живым впечатлением только что конченного романа.

Автор романа вывел людей, которые трудятся до пота, но не из одного желания личного прирбытка. Они вовсе свободны от всеобщего эписиерства. Напротив, начав дело, так сказать, ни с чего, они тотчас вводят во все его выгоды всех мизераблей-рабочников ²⁴ и сами остаются только хозяевами-распорядителями. Отсюда, по выводу автора, вытекает все хорошее для работающих; дело идет честно, в рабочей семье поселяется взаимное доверие, совет и любовь. Удовольствия и все блага жизни каждому члену рабочей артели достаются очень дешево, никто не изнурен, не «лишний на пиру жизни». Но никто ни к чему не принуждается. Напротив, коноводы дела люди очень мягкие, с которыми каждому легко, которые никого не обрывают, а терпеливо идут к своей предположенной цели, заботясь прежде всего о водворении в общине самой широкой честности, свободы отношений и взаимного доверия. Коноводы, обрисованные подробнее других лиц, любят, женятся, сходятся и расходятся. Они сходятся по собственному влечению, без всяких гадких денежных расчетов: любят некоторое время друг друга, но потом, как это бывает, в одном из этих двух сердец загорается новая привязанность, и обету изменяют. Во всех бескорыстие, уважение к взаимным естественным

правам, тихий верный ход своею дорогою, никому не подставляя ног, никого не кормя селедками а la monsieur Сквозник-Дмухановский.

Такие люди нравятся автору романа, и, познакомясь с деятельностью этих людей, «проницательный читатель» получает от него ответ на вопрос, что *делать желает* г. Чернышевский?

Такие люди очень нравятся мне, и я нахожу очень практичным делать в настоящее время то, что они делают в романе г. Чернышевского.

Я знаю, что такое настоящий нигилист, но я никак не доберусь способа отделить настоящих нигилистов от шальных шавок окричавших себя нигилистами. Теперь это в Петербурге стало каким-то неопределенным понятием. «Стриженные барышни», выходящие замуж при первом удобном случае, нигилистки. Невежда, положивший ругать все, что не «Современник», — тоже нигилист, хотя он мелкий эксплуататор до конца ногтя в ножном мизинце. Героев романа г. Чернышевского тоже называют нигилистами. А между ними и личностями, надоевшими всем и каждому своим нигилизмом, нет ничего общего. Люди г. Чернышевского совсем другие, а эти фразеры; в людях г. Чернышевского прежде всего стремление — дать благосостояние возможно большому числу людей; в нигилистах наших общность интересов только на языке, а на деле жестокосердие. Кто же настоящие нигилисты? Верно, люди из романа г. Чернышевского. Их мало в натуре (*совершенно таких* людей, как у г. Чернышевского, мы даже вовсе не видали), они в натуре не ведут дел так счастливо, проваливаются, даже бывают посмешищем для экономических весельчаков... А что истины нет ни в одной из так называемых «экономических систем», это ясно как солнце для каждого, кто изучал эти системы и обдумывал их без предвзятых решений. Ясно, что любая «гармония хозяйственных отношений», улаженная по какой бы то ни было из систем, известных под именем «экономических», не будет гармониею одинаково благоприятною для *труда* и *капитала*. Системы умиряющей, создающей действительную гармонию, еще нет в Европе. Есть только люди, пытающиеся приладить эту систему. Над этими людьми одни смеются, другие даже признают их опасными. Такой человек был известный нигилист Роберт Оуэн. Врагов и порицателей у Роберта Оуэна было вдоволь, пустозвонных насмешников — и того больше. Роберт Оуэн (признававший, между прочим, что

каждый человек прежде всего имеет право на наше внимание и посильную помощь) умер, и его Нью Ленарк расплылся ²⁵.

«Новые люди» г. Чернышевского, которых, по моему мнению, лучше бы назвать «хорошие люди», не несут ни огня, ни меча. Они несут собою образчик внутренней независимости и настоящей гармонии взаимных отношений. Они могут провалиться? Да, очень могут, но другие обойдут провал, пойдут, узнают, чего должно избегать и чего бояться. Тут нет беды, ибо все это вперед, вперед толкает. Люди растут.

Стало быть, *что же делать?* По идее г. Чернышевского, освободиться от природного эписиерства, откинуть узкие теории, не дающие никому счастья, и посвятить себя труду на основаниях, представляющих возможно более гармонии, в ровном интересе всех лиц трудящихся. Г-н Чернышевский, как нигилист, и, судя по его роману, *нигилист-постепеновец*, не навязывает здесь ни одной из теорий (которые ленивые нигилисты другого сорта могут прочесть хоть у Бруно Гильдебранда ²⁶), но заставляет пробовать: как лучше, как удобнее?

Где же тут Марат верхом на Пугачеве? Где тут утопист Томас Мур? ²⁷ Г-н Громека, в эпоху своего *общинничества* и *артельничества*, наговорил в тысячу раз более утопий, которых никак и ни за что никому не втолкуешь и никуда не приложишь ²⁸, а г. Чернышевский заставляет делать такое дело, которое можно сделать во всяком благоустроенном государстве, от Кореи до Лиссабона. Нужно только для этого *добрых людей*, каких вывел г. Чернышевский, а их, признаться сказать, очень мало.

Роман г. Чернышевского прочитан великим множеством русского люда. О тех, которым *идея* романа прямо не понравилась, говорить нечего. (Выполнение романа не может понравиться никому, и дело, как я уже сказал, вовсе не в выполнении.) Те же, которые приходили от него в восторг, теперь стоят на экзамене.

На этом экзамене истинные, настоящие нигилисты сейчас отделятся от нигилиствующих Рудиных, и эту полезную сортировку произведет полезный роман «Что делать?».

Таково мое личное мнение.

